«Группа Интернациональных Коммунистов» в Голландии

воспоминания участника

Кайо Брендель

1974

Остроумный голландский троцкист Снеевлит со свойственной ему меткостью как-то назвал «Группу интернациональных коммунистов» Голландии в 30-е годы «монастырской братией марксизма». Характеристика была, конечно же, карикатурой, но карикатурой остроумной, а потому достойно оцененной в кругах группы. Как и любая карикатура, она содержала в себе некую долю истины, которая для Снеевлита была политически неприемлемой, а для самой группы — исторически неопровержимой.

Речь идет о моменте, по которому между Снеевлитом и группой существовало четкое разделение. Он, как лидер парламентской партии, к тому же тесно сотрудничающей с определенным профсоюзным движением, стремился, в первую очередь, к политическому влиянию. Для группы с иным поведением, для которой речь шла совсем не об этом, а о стремлении теоретически обобщить опыт минувших боев и современное экономическое развитие капитализма, Снеевлит не мог найти места в рабочем движении. Тем более, что ее теоретический вывод как раз и ставил под вопрос саму политическую деятельность как таковую и неразрывно предполагающие ее организационные формы.

Интернациональные коммунисты были не просто группой, испытавшей потребность в теоретическом анализе революционного периода 1917-1923 гг. Они сами были продуктом этого периода. Любая попытка в духе Снеевлита представить их как некий «исследовательский кружок» или связать их появление к противоречиям в социал-демократии до 1914 г., игнорирует именно этот факт — связь их выступления с пролетарскими боями после первой мировой войны.

В Германии в ноябре 1918 г. и в последующие годы среди значительной части рабочего класса проявились антипарламентские и антипрофсоюзные тенденции, элементы которых существовали, впрочем, уже давно. Немецкие рабочие создали в форме Советов новое орудие, и по сравнению с ним традиционные организации оказались недостаточными, даже негодными. На организационном уровне это привело, как известно, к созданию Коммунистической рабочей партии Германии (KAPD) и Всеобщего рабочего союза (AAUD), на теоретическом — к сформулированному впервые Отто Рюле положению о том, что «революция не есть дело партии».

Однако практика КРПГ (и ее братской партии в Нидерландах — КРПН) находилась еще в резком противоречии с последовательной историко-диалектической логикой Рюле, что застави-

ло его позднее выйти из партии и AAUD. Как бы ни пыталась партии подчеркнуть свой характер, действительно отличный от других партий в роде СДПГ, НСДПГ, КПГ и т. д., ее структура оставалась отягощена организационными традициями прошлого. Будучи «партией нового типа», она оставалась партией и хотела быть ею. Ее пример ярко доказывает значение тезиса Рюле. КРПГ хотела вычеркнуть прошлое без того, чтобы — в соответствии с реальными потребностями грядущей рабочей революции — принципиально порвать с ним. Она оказалась, таким образом, между жерновами и была раздавлена. Прежде чем формально исчезнуть с исторической сцены, она фактически пришла в упадок из-за внутренних противоречий.

ГИК, возникшая на ее развалинах, занимала совершенно иную позицию. Она была далека от того, чтобы принести политическое воздействие в жертву теоретическому исследованию, она принципиально отказывалась от него. Выйдя за пределы КРПГ и КРПН, она не только считала освобождение рабочего класса делом самого рабочего класса, но и была убеждена, что на этом пути не нужен никакой, даже чисто пропагандистский авангард — нужно новое, коренным образом отличное от прежнего, рабочее движение, отбрасывающее политические одеяния и традиционные формы авангарда.

ГИК не могла ни повторять противоречия КРПГ и AAUD, ни объявить себя сама новым рабочим движением. О нем она знала только то, что оно может возникнуть только в ходе длительной борьбы и накопленного в ней опыта. Она спокойно воспринимала остроумную шутку Снеевлита, убежденная в том, что тот, со своей партией и своими взглядами на революцию, в конечном счете, стоит на почве, которая не имеет никакого отношения к освободительной борьбе западноевропейского рабочего класса.

Я впервые соприкоснулся с ГИК в начале лета 1934 г. Экономический кризис, разразившийся в 1929 г. в США, распространился на старый континент и все более углублялся. У регистрационных пунктов стояли очереди безработных. Их вера в капитализм и процветание убывали по мере того, как день за днем таяли их средства к существованию. К тому же их положение выброшенных из процесса производства внушало им унизительное чувство бессилия, которое еще более усиливалось событиями в Центральной Европе. В 1934 г. пушки Дольфуса расстреляли австрийскую социал-демократию. За год до этого бесславно погибла германская. После захвата власти Гитлером прошло уже полтора года. По ту сторону голландской восточной границы фашизм переехал рабочих «как чудовищный танк по черепам и позвонкам».

Я был знаком с брошюрой Троцкого, в которой он буквально предсказал катастрофу при условии, что КПГ и ее кукловоды в Кремле продолжат свою роковую, раскалывающую рабочих политику. У меня тогда были определенные — расплывчатые, конечно — троцкистские симпатии. На публичном собрании я ввязался в спор с каким-то сталинистским бюрократом. За мной случайно сидели рабочий молокозавода и металлист, которые затем заговорили со мной и представились как сторонники коммунизма Советов. Позднее выяснилось, что один из них был связан с той группой, о которой мы ведем речь.

Все лето и осень я почти каждый вечер ездил к нему на квартиру. Дискуссии длились чаще всего до полуночи и были весьма основательны. То, о чем не говорилось, я узнавал дома из материалов ГИК, которые мне совали в руки. У меня было чувство, что из политического детского магазина я попал в своеобразный университет.

ГИК вообще не придавала никакого значения болтовне о прочитанном. Она развивала самостоятельное мышление. Она распространяла не лозунги, а знание марксистской общественной теории. Это делалось отнюдь не из чисто научной страсти и тем более не просто так. Просто опыт большевистской революции в России заставил группу с самого начала заняться марксизмом. Она рассматривала такое занятие как вопрос жизни или смерти рабочего движения вообще.

Уже за 10 лет до этого Гортер охарактеризовал российскую революцию как крестьянско-буржуазную. Эту характеристику ГИК постоянно перепроверяла и углубляла. Как раз в то время, когда я познакомился с группой, она выпустила «Тезисы о большевизме». Вскоре последовал голландский перевод раннее опубликованного в Германии документа «Основные принципы коммунистического производства и распределения», в котором были подвергнуты основательному марксистскому анализу российская революция в целом и большевистская экономическая политика в особенности.

Эта теоретическая работа была завершена показом принципиальных различий между Розой Люксембург и Лениным и работой Я. Харпера «Ленин как философ». То, что ее автор — никто иной, как Антон Паннекук, уже тогда не скрывалось в кругах группы. О том, что тезисы написан, если я не ошибаюсь, Александером Швабом, а работа о Ленине и Люксембург — Паулем Маттиком, я узнал только спустя много лет.

Работа Маттика была важна не только потому, что вскрывала социальные основы организационных принципов Ленина. Она была посвящена принципиальной разнице между пролетарской и буржуазной революцией. Маттик доказывал, что Ленин не может «себе представить пролетарскую революцию без интеллектуального сознания, которое превращает всю революцию в вопрос сознательного вмешательства «знающих» или ленинских «профессиональных революционеров» и поэтому является буржуазным революционером. Одновременно он критиковал «переоценку субъективного, политического момента» Лениным, которая делала для него (Ленина) «организацию социализма политическим актом».

Взгляду на пролетарскую революцию как на политический акт Маттик противопоставлял понимание ее социального характера. В отличие от Ленина, который рассматривал политическое сознание как то, что рабочий класс не может выработать, но что служит предпосылкой чисто политического преобразования, Маттик указывал на то, что рабочая революция, по мысли Маркса, как раз и не нуждается в таком сознании, развитом политическим авангардом.

Так авангардистам любой политической окраски было заявлено, что пролетарская революция — это нечто совсем иное, нежели буржуазная революция 19 века, о которой они все еще мечтали. Снова со всей ясностью был дан ответ на вопрос, почему ГИК не занимается политической работой и не хочет этого делать, почему она не может быть авангардом в традиционном смысле слова.

Теоретическую высоту таких дискуссий я воспринимал тогда как нечто характерное для ГИК, что тем самым явственно отличало ее от всех направлений традиционного рабочего движения. Она достигла высоты и в другом — в понимании кризиса. На всех тогдашних политических собраниях, во всех левых еженедельниках и иных изданиях кризис капиталистической экономики был, разумеется, постоянной темой. Но шла ли речь об оценках со стороны социал-демократов, левых социалистов, анархо-синдикалистов, троцкистов или же сталинистов, его почти все без исключения истолковывали либо в русле буржуазных экономистов как кризис перепроизводства, либо (более или менее метафизически) объявляли смертельным кризисом системы, в какой-то мере выдавая желаемое за действительность. И то и другое прямо или косвенно вело к игнорированию классовой борьбы пролетариата, в реформистском или в фаталистском духе.

ГИК, напротив, придерживалась мнения, что кризис следует выводить из непосредственных тенденций накопления капитала — объяснение, которое группа противопоставляла не только «теории кризиса» реформистов, но и иллюзиям, за которые в их тогдашней беспомощности цеплялись массы. Последнее со всей отчетливостью отразилось в ее документе «Законы движения капиталистической хозяйственной жизни», в котором на основе имеющихся

экономических фактов оспаривалось и неправильное мнение о том, что кризис развился из перепроизводства.

Все это не означает, что у группы сложилось единое мнение относительно кризиса. Я живо помню, как остро спорили в группе о кризисе и крахе и какой отклик находили эти дискуссии в ее публикациях. В центре находился труд Гроссмана «Закон накопления и крах капиталистической системы», который пользовался вначале большим авторитетом у ГИК. Когда Паннекук подверг книгу чрезвычайно острой критике — письменно и в своем докладе — оценка стала более дифференцированной. Некоторые считали критику Паннекука ошибочной, другие — вполне оправданной, третьи же во многом разделяли его взгляды, но, тем не менее, считали изложение Гроссмана «впечатляющим» и оставались при мнении, что оно имеет «чрезвычайно большое значение». Буквально так заявил мне умерший в 1962 г. Хенк Канне-Майер, которого можно по праву назвать душой группы.

Я встречал в своей жизни мало, очень мало людей, которые были бы способны, как он, так объяснять сложнейшие проблемы, что они действительно становились понятны каждому. Бывший рабочий-металлист, он стал затем учителем народной школы, выделялся даже в группе своим педагогическим дарованием, которое принесло пользу многим товарищам. Из-под его пера вышли, в частности, богатые объяснениями статьи, которые основывались на философии Йозефа Дицгена и весьма способствовали лучшему пониманию метода Маркса.

Было бы неверно делать из всего этого заключение, будто ГИК занималась только чисто теоретическими исследованиями. То, что группа уясняла теоретически, она каждый день применяла на практике. К этому ее также постоянно побуждали современные события. Во Франции в 1934 г. была опробована политика Народного фронта, которая в 1936 г. помогла придти к власти правительству реформиста Леона Блюма, вскоре проявившему себя как антирабочее. Это были годы Испанской революции, захватов фабрик во Франции, Бельгии и на американских автомобильных предприятиях, московских процессов, плановых экспериментов Рузвельта, разгоравшихся «диких» стачек, растущего упадка прежнего рабочего движения, русской стахановщины, международной конференции по золото-валютной системе, гонки вооружений перед второй мировой войной.

ГИК выработала позицию по всем этим вопросам; суть ее всегда сводилась к тому, что необходимо бороться с вождистской политикой парламентских партий и профсоюзов для осуществления коммунистического общества без эксплуатации и наемного труда, то есть ассоциации свободных производителей, в которой рабочие взяли бы в свои собственные руки управление и руководство производством и распределением; что боевой лозунг — не политика Народного фронта или плановое хозяйство, а «Вся власть рабочим Советам». Именно так и было написано в заглавии ее пресс-бюллетеня.

Мы не только просиживали в квартирах за оживленными дискуссиями. «Братья» отправлялись и за пределы этих «монастырских стен», на публичные собрания перед зданиями газет и регистрационными пунктами, где рабочие выражали свой протест против профсоюзной бюрократии или обсуждали вопрос, является ли СССР, несмотря на все противоречащие этому факты, все же рабочим государством. И здесь понимание того, что российская революция никогда не имела ничего общего с классовой борьбой пролетариата и с социализмом, очень помогало просвещению мозгов; оно было направлено, в первую очередь, на то, чтобы способствовать развитию собственного мышления и самодеятельности, чему систематически препятствовали партии и профсоюзы. Я сохранил различные краткие протоколы таких собраний. Они недвусмысленно демонстрируют принципиальный характер этой устной пропаганды.

Паннекук завершал свою критику Гроссмана тезисом, что крах капитализма означает самоосвобождение пролетариата, что рабочие должны вести борьбу сами, как масса, и создать

для этого новые формы борьбы. Комитеты действий, создававшиеся во время «диких» стачек, были для ГИК действительным зачатком таких новых форм борьбы и организации. Они возникали тогда в ходе почти всех трудовых конфликтов и имели свою собственную историю. Вначале совсем примитивные, они по мере естественного роста «диких» забастовок, все явственнее становились для рабочих тем средством, с помощью которого они могли обороняться против сокращения зарплаты и ухудшения условий труда — так, как они этого хотели, но безуспешно требовали от своих «вождей». Хотя зачастую они не могли добиться успеха, комитеты, тем не менее, показывали на практике пути складывания власти, к которой профсоюзы не были способны. Чем чаще они выступали, чем лучше они организовывались, чем смелее действовали — при крайнем осуществлении «пролетарской демократии снизу», — тем больше проступало их тождество с Советами революционного времени.

ГИК внимательно следила за этим развитием, постоянно обсуждала его значение и при этом теснейшим образом увязывала эту практику трудящихся с подъемом новой формы организации пролетарского класса. Хенк Канне-Майер посвятил им в середине 30-х годов статью «Становление нового рабочего движения». Работа с самого начала выделялась тем, что автор не взваливал ответственность за бессилие тогдашнего рабочего движения на его беспорядочность, но наоборот, считал эту беспорядочность результатом его бессилия. Разработанные им основные линии, говорившие, что рабочее движение будущего будет кардинально отличаться от прежнего и превосходить его самодеятельностью всех принадлежащих к пролетарскому классу, повторялись в анализах различных стачек и комментариях к повседневным конфликтам.

Деятельность ГИК охватывала многие области. Группа организовывала курсы, в основном, утром по воскресеньям. Помимо своего ежемесячного пресс-бюллетеня и многочисленных брошюр, она распространяла у Амстердамского регистрационного пункта небольшую ежемесячную, популярную типовую газету, целиком написанную языком рабочих — «Пролетенштеммен» («Голоса пролетариев»). Она выходила в течении почти двух лет, все возраставшим тиражом, готовилась небольшим кругом людей и — не без причины — вызывала дикую ярость сталинистов и реформистов, потому что с простой логикой и блестящим сарказмом освещала катастрофические последствия и антирабочий характер их политики.

Газета писалась, в основном, очень остроумным и упорным товарищем из Амстердама, которому, как прирожденному памфлетисту, без труда удавалось находить точные выражения и примеры, лучше всего убеждавшие и запоминавшиеся. Товарищ, о котором здесь говорится, был тогда — можно сказать даже: естественно — безработным. Он отдавал «Голосу пролетариев» всю свою силу и время. Он стоял почти все остальные дни недели в очереди перед тем же регистрационным пунктом, где по пятницам раздавалась газета. Он слушал споры и получал информацию о жизни рабочих из первых рук. Он не упускал случая с благодарностью использовать ее в статьях. Скромная газета имела большое воздействие, не в последнюю очередь, благодаря этому. Она немало способствовала тому, что взгляды ГИК стали известны в более широких кругах. По моему мнению, особенно удачной оказалась серия статей «Боевые комитеты диких стачек». Это было настоящее распространение опыта в том смысле, как этого всегда хотела ГИК.

Усилия товарищей из «Пролетенштеммен» были, собственно, невольным, ответом на вопрос, вставший в группе за пару лет до этого. Летом 1935 г. товарищи из Гааги, Лейдена и Гронингена обвинили своих амстердамских единомышленников в том, что у них нет подходящего решения для проблемы практической деятельности. В написанной ими «резолюции» они утверждали, что ГИК выполняла до сих пор только информационную работу. Ее функция в процессе революционного развития сводилась к тому, что она теоретически, на основе

опыта прежних революций, выявляла предпосылки будущих преобразований. Пока главным оставалась теоретическая переориентация, в ГИК существовало равновесие — практическая организация соответствовала теоретической работе. Но, продолжала резолюция, общественные процессы выдвигают теперь на первый план «практику». Это вызывает конфликтную ситуацию, так как группа не подготовлена к этой работе. Она пытается теоретически выработать формы нового рабочего движения (имелась в виду, конечно же, работа Канне-Майера), но не понимает того, что рабочий класс будет идти к практике независимо от исследовательских групп. Авторы «резолюции» приходили к заключению, что ГИК фактически «умерла». Это привело к тому, что группы в Гааге, Лейдене и Гронингене откололись от амстердамской. Они разделяют ее теоретические воззрения, писали они, но не согласны с ее практическими методами.

Все это не имело серьезных последствий. Личные связи стали менее тесными, зато серьезными. Как и прежде товарищи из Гааги и Лейдена распространяли материалы амстердамской группы. Амстердамцы просто пожали плечами и продолжали свою работу. А позже изданием «Пролетенштемен» они показали пример, сводящий критику «резолюции» на нет. Гаагские товарищи попытались сделать то же самое. То, что они издали, не выдерживало сравнения с «Пролетенштеммен». Им не хватило не только сил, но также способностей и знаний.

Я принадлежал тогда к тем, кто писал ту резолюцию. Столько десятилетий спустя мне уже трудно припомнить ее подоплеку. Мне кажется, что за делом скрывались личные противоречия, от которых ГИК была столь же несвободна, как и все другие группы. В определенном месте резолюции на это есть указания.

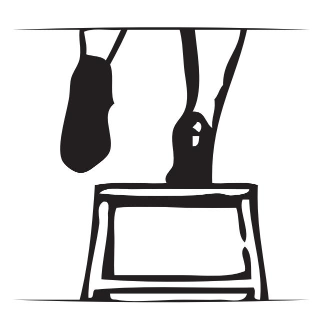
Сейчас я читаю ее с довольно смешанными чувствами. Чего мы собственно добивались тогда, когда требовали, чтобы ГИК приспособилась к практике, которую, как мы говорили, «группа умеет только формулировать»? Боюсь — и не без оснований, — что мы еще недостаточно понимали, что ГИК принципиально отличается от старого рабочего движения, но в то же время отнюдь не является и не может быть новым рабочим движением, поскольку его возникновение могло быть только длительным процессом.

Если революционный опыт действительно доказывал, что освобождение рабочего класса может быть только делом рабочего класса, то это следовало понимать не только так, что социализм не может быть введен партией или профсоюзом, но и так, что это освобождение не могло быть и делом ГИК. Упреки в недостаточной революционной практике в этом смысле столь же мало оправданы, как и обвинения в том, что группа укрывается за «монастырской стеной». Она этого не делала. Она работала в том мире, который тогда существовал.

Возможно, ей можно сделать только такой упрек: она была слишком сильно убеждена, что развитие самосознания рабочих будет предпосылкой будущих классовых боев, а не одним из их побочных явлений. Но это соображение тогда мало принималось во внимание — как вне амстердамской группы, так и — насколько мне известно — внутри нее.

Но как бы то ни было, ГИК отказывалась от «практики», которая могла бы привести к тому, что она поставит перед собой задачи, непосильные для группы. Если бы она это сделала, ее теоретические достижения сразу бы упали. Ее деятельность вовне отнюдь не была мала, как это утверждали некоторые критики. Наоборот! Но с волюнтаризмом она не имела ничего общего. Если она действительно не выходила за определенные границы, то лишь потому, что эти границы были заданы временем.

Об этом неплохо помнить сейчас, когда эти границы все еще существуют, но многие группы сознают их меньше, нежели тогдашняя ГИК, которая, по-моему, именно поэтому имеет значение для завтрашнего рабочего движения.

Кайо Брендель
«Группа Интернациональных Коммунистов» в Голландии
воспоминания участника
1974

Сохранено 25 января 2012г. из revsoc.org

ru.theanarchistlibrary.org